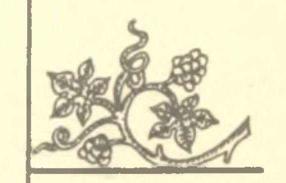

МОСКОВСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 8

литературно-художественный 1991 историко-краеведческий

МОСКОВСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 8
1991

Учредитель:
Московский
городской
Совет
народных
депутатов

Литературно-художественный, историко-краеведческий

Ежемесячный иллюстрированный журнал

В НОМЕРЕ:

А. Ф. ГРУШИНА
(главный редактор)

Редакционная коллегия:
Ю. К. Ефремов
Е. И. Кавтарадзе
(редактор историко-краеведческого отдела)
М. Я. Лемешев
А. С. Матросов
В. Б. Муравьев
С. Л. Николаев
(редактор отдела литературы)
Сергий Попов, священник

Л. А. Прохоренкова
(ответственный секретарь)
А. Н. Пыресев
(коммерческий директор)
С. К. Романюк
Е. А. Файншмидт
А. Д. Червяков
Г. Н. Юдин

Художественный редактор
П. Е. Григорьев
Технический редактор
Е. Д. Захарова
Корректор
И. В. Шаховцева
Фотокорреспондент
Л. Г. Томбак

В ТЕ ДНИ

...Горе тем, которые оставлены будут до тех дней, а еще более горе тем, которые не оставлены. Ибо те, которые не оставлены, были печальны.

Третья книга Ездры, 13, 16—17.

В четверток

На память св. преподобного Феодора Сикеота посеян ячмень трудами отца иеродиакона Никифора. Благослови, Господи, его труды, а нас не лиши хлеба насущного. Даждь нам днесь.

Теплый ветер веет. На острове нашем мир и благоутишие. Приписываю это молитвам старца моего, иеросхимника Пафнутия. Отец Никифор, устроивший по любви своей наш благополучный исход в места эти тихие, укрытые Господними творениями — лесами, болотами и дикими зверями — от злобы человеческой, прилагая труды к трудам, чтобы поднять землю, не рождавшую еще для человека, но плод носившую лишь по воле своей, рубил лес, корчевал, вскапывал землю, — пришел сегодня поутру к старцу с семенами в маленьких мешочках и, падши до земли, сказал:

— Отченька, благослови семена и умоли Господа, да в милости Своей пошлет всходы и пропитает зде сущих — отроча младо, — на меня указал, — и мою утробу ненасытную.

Старец, помолясь, благословил.

— Благословит, возрастит и пропитает.

— Аминь.

И пошел сеять раб Божий. Великого он росту, силы крепкой — и простоты душелюбной и нежной.

Ходит и бросает семена, а теплый ветер их в землю прячет с заботою, послушание Божие творит.

Старец сказал мне:

— Молись. Семя да падет каждое с воздыханием нашим к Сеятелю Небесному.

И заставил меня класть поклоны, а потом отослал. Знаю, что умножил без меня молитву и усугубил поклоны.

Вспоминается нечто из прошлого. По разорении монастыря отец Никифор сказал старцу:

— Святе, изыдем в место тихое. Я припас и все удумал.

А тот отвечал:

— Место сие мне верно было сорок лет, буду и я ему верен. Не уйду.

— На месте сем отныне неверные.

— Пусть. А я пребуду верен.

— Не послушаю тебя, святе. На руках своих вынесу тебя и не погрешу. А там назначь мне какую хочешь эпитимию.

И так и сделал. Когда пришло время исхода, мало что не на руках вынес старца — и вел его верными тайными тропами в лесах, и чрез замерзшее озеро — до сего тихого и утаенного места, где мирно пребываем. А мне сказал:

— Ты, отроче младо, иди с нами ради любви твоей к старцу. А иначе не взял бы тебя: ты млад и слаб, озябнешь и пропадешь.

Путь наш не буду описывать. Зимний путь известен: ему имя — холод, нужда и голод. Человеческому зрению это доступно. Ангел же сопутствующий невидим. А мы его видели — не очами зрящими, но воистину видели, когда во вьюге блуждали и слабнули и шли к вечному покою, — не он ли вывел нас в беднейшую лесную деревушку, не Богом, а людьми забытую, где нас и обогрели и накормили? Не он ли отца Никифора умудрил и нетрудно привел к этой хижнице, ископанной некогда им же, еще когда он охотничал в этих местах, будучи молод и страстен к этому занятию?

Легко нашли мы сруб малый, вкопанный в землю, и витальницу устроили в нем укромную, теплую, тихую, выжили конец зимы в ней и дождались весны. Не видали — я, многогрешный, не видал, о иных не знаю — Ангела, но ангельское дело вижу: наше присутствие здесь его изобличает. Чего нам еще желать? У нас есть все нужное для молитвы и пустынного жития: иконы Христова, Богородична и Николина, книги служебные, ладану горстка, свечей восковых мало, запас сухарей соленых, немного припасов других. "До ягоды прокормимся, — говорит отец Никифор. — А там ягода будет кормить, а там сев соберем, если Господь взрастит. А апостольская пища — вот она, плещется". Это он рыбу в озере разумел.

О исходе же нашем никому не ведомо. На заре мы ушли, помолившись на храмы монастырские, уже бескрестные и пустые. Господь хранит втайне наше пребывание здесь. Люди не знают. Враг знает. "Иже крестом ограждаеми, врагу противляемся, не боящеся козней его и лаянья яко бы гордый упразднися и попран бысть силою на древе пригвожденного Христа".

Память св. Апостола Симона Зилота

Говоря о временах, от которых укрыты мы здесь, старец сказал, плетя леску для удицы:

— Диавол есть клеветник. Сие преимущественно ему принадлежит. Он есть враг и лгун. И видно сие из времени нашего и действующих в нем: не веруют в Бога и воюют на Него, но диавол жестоко посмеется над ними на Страшном Суде. Скажет: "Я этого не говорил вам. Вы сами это свободно, самовольно измыслили и утвердили, ибо я не атеист, как вы, я в Бога верую и никогда бытие Его не отрицал". И сошлется в свидетельство на все Силы Небесные, и они грозно сие подтвердят, присовокупив лишь, что с трепетом верует сей. А эти несчастные останутся одни в неверии своем, и диавол предаст их, и даже не с ним будут они, но ниже его, ибо и он веровал, хотя и трепетал, и лишь они одни в безумии своем отрицали бытие Божие. Воистину: "Рече безумец в сердце своем: несть Бог, и страшно восплачутся, а ад всесмехливый воссмеется".

Иеродиакон Никифор сказал мне: "Зачем зовешь меня отцом? Один у нас отец — старец наш. Я, по грехам моим, и братом назваться недостоин. И по крайнему лишь снисхождению твоему буду брат тебе. Так зови меня".

"Вся премудростию сотворил еси"...

Я стоял сегодня на мыске, на самом высоком месте острова нашего, и озеро, как дитя невинное,

играло водами своими тихо и радостно в косых лучах закатных, и думал я о Премудрости Божией. Брат же Никифор сказал мне, подойдя неожиданно:

— Любуешься на Божию широту? Любуйся, отроче младо, и хвали Господа. "Горы высокия еленем, камень прибежище заяцем", а нам, грешным, остров сей. Всякому свое. За островом озеро, а озеро поясом болотным окружено, и тропа мне одному, думаю, известна, и то в одном месте она топью узкою пересекается, а там леса, и хоть прогневили мы Господа, но и "для заяцев" не погнушался Он, для косоглазых и трусливых, прибежище указать. Нам ли откажет? Уповаю, что нет.

И перекрестился на восток и сказал:

— Я давно тебе, отроче младо, сказать хотел. Ты слаб и хил, и я твою долю в работе на себя беру; и сеял за тебя, брошу пригоршню — и в твое имя: "Раб Божий Глеб сеет", и сожну, и смолочу — все твоя доля будет и вровен с моей, а ты мне долю в молитве своей дай: на мою долю помолись. Я не молебщик.

— Батюшка помолится, — отвечал я.

— Что ты, отроче! — отвечает. — Разве я могу к нему в долю идти? И к тебе-то недостоин. Его доля особая.

— Я молюсь за тебя, брат, — отвечал я.

— Буду долю за тобой числить и на Страшном Суде сошлюсь. — Поклонился мне и ушел отдыхать после долгих трудов своих.

— Ты, Господи, за что ущедрил меня и упокоил здесь юность мою и ношу мира сего снял с моих слабых плеч?

Солнце ушло в тихие воды.

"Свете Тихий святыя славы"...

Святых Равноапостольных царей Константина и Елены

Сегодня за утреней читал я из Пролога о некотором старце, во дни гонений скрывавшемся в расщелине горной и скорбевшем об уходе своем от гонящих и гонимых. Был же старец предан молитве и богомыслию. В одну ночь старец, восскорбя, воззвал: "Господи, Христе мой и Спасе! Оставил я Тебя, и гонения Тебя ради избежал, и не терплю от гонящих Тебя". "Нет, терпишь", — был ему тихий и сладкий ответ. — "Не терплю, Господи". — "Терпишь, ибо врагу противляешься в пении, бдении и молитве и терпишь от него за сие; гонимые от людей, восстающих на Меня, не более тебя терпят. Ибо гонящий Меня один — князь мира сего".

Как утешительна эта повесть! Господи, вмени слабую молитву нашу — в язвы и бдение наше — в кровь.

Всходы зеленеют на бедной ниве нашей. Уроди, Боже!

Птиц множество на острове. С раннейшего утра преданы они своему делу. Хвалят Творца усердно и многоголосно. Оканчивая утреню нашу пустынную и вознося хваления наши, как мало прибавляем мы к их чистой неустанной хвале! Эту мысль я не потаил от старца своего, и он ответил мне:

— Знавал я в ранней юности моей подвижника, коим не почитали его люди, но коим он был воистину. Будучи спрошен однажды, какое желание наиболее снедает его и томит, отвечал: "Желание быть птицею". — "Почему же?" — "Потому что непрестанно славит Бога".

Я полагаю, за то Господь и дал ей вольность движения в небе, а не землю и не воды указал ей в жительство. Оттого, мню, и Спас указал нам: "Воззрите на птицы небесные". Но не зрим. И не учимся у сих малых — вольных волею небесною.

В четверток седмицы Святых Отец

Сегодня ночью не спалось мне. Я вышел к озеру, на любимый бугорок, обращенный на юг. Тут множество ягод будет — земляники и черники. Солнце тут греет сильнее и гуще. Ночи светлы и тихи: всю ночь не угасает заря. И увидел я, что на бугорке моем любимом лежит брат Никифор и приник к земле и будто слушает что-то. Я спросил его:

— Что делаешь, брат?

— Слушаю. Не смейся надо мной, отроче. Я бездельник и пустодел. Вот лежу здесь и будто слышу, как земля дышит. И отрадно мне. Приложись ухом — услышишь.

Я припал к земле, но ничего не слыхал. А он приподнялся немного и говорит:

— Слушай внимательно. Не сразу услышишь. Знаешь, какая земля дышит? *Родная земля, Российская.* Я вздохи ее слышу. Верные сыны одни слышат. Кто мать любит, от того мать вздоха своего не потаит и дыхания — не сдержит при нем в груди своей. Российская земля многострадальная, паче иных земель. Дыхание ее тяжелое, подобное как у болящей. Но сия болезнь не к смерти. Слышишь, как дышит?

Я ничего не отвечал. А он как бы с некоторым гневом сказал:

— Встань. Млад. Еще не дано тебе.

И припал опять на землю, а я встал, и лицо у него было важное и скорбное, с тоской великой. Я отошел от него к старцу и сказал о виденном.

— Молчи о сем, — ответил, — и брату не напоминай. Он землю родную яко жену возлюбил. И скорбь ее слышит и нечто чует о ней. Не многим это дано.

Седмица 3-я по Пятидесятнице. Пяток

Я бродил по острову и удивлялся обилию цветов, всюду благоухающих и никем не сеянных, и увидел в чащобе брата Никифора. Он стоял у старого полугнилого дерева и издали знаками отстранял меня, чтобы я не шел дальше. Я отошел от того места и пошел в другую сторону, а по вечеру брат Никифор сказал мне с улыбкой:

— Не сердись, младо, что прогнал тебя. Нам Бог милость послал: я пчелиный рой в лесу поймал. Будем с воском. Я научу тебя свечи делать и пчелу тебе передам. Я пчелы недостоин по грехам моим. Это на твою долю пчелу Господь послал. Знаешь, пчеле дан особый талант: чистоту чуять, она детскую душу любит. А ты у нас "отроча младо".

"На похвалы молчи", — вспомнил я слова старца, еще в монастыре мною слышанные, но смутился душою: "Господи! Господи! Я-то — дитя?"

Я грешник. Я с раннего детства храню и не извергаю из себя злые мысли, преступные хотения; помыслы суеты и борения мучат меня.

Осили, Господи, осиливающего меня!

Вторник 4-й седмицы по Пятидесятнице

С полевого труда возвращается брат Никифор

в поту и с улыбкой встречает меня, праздного и неделающего.

— Долю твою обработал, — скажет. — Только что управился, а ты мою давно уж, небось, справил?—и не дает ответить. Увидит пчелу, летящую, спешащую к ночлегу, и обрадуется ей:

— Лети, — скажет, — новоприобретенная! Поработай на свечу Николе да Спасу! — И дунет ей вслед, в путь.

Великая простота у брата Никифора; он, а не я, дитя: я млад годами, но не грехами, а он грехами млад.

— Тень мира сего да не падет на тебя, чадо,— сказал мне старец после утрени, когда я признался ему, что размышления и борения преследовали меня неотступно во время службы.

— Что есть тень мира сего?

— Помышление о временном, как о вечном. На все дела человеческие падает сия тень и чернит оные, ибо они не в Боге совершаются и горькую временность свою мнят вечностью. Тень сия темна и широка: лишь небольшая часть твари освобождена от нее и малое число праведных. Широта тени сей безмерно умножилась в сии дни. Когда же покроет она всю тварь — тогда суд миру.

— Когда же это будет? — дерзнул я спросить.

— О сем престани. Бодрствуй и молись.

И приказал мне класть девять поклонов ежедневно.

Положение ризы Пресвятые Богородицы во Влахерне

Служба у нас правится непопустительно. Вычитываем вечерню с повечерием, а ночью — полунощницу и утреню. Я заметил, что брат Никифор плакал за службою, и сам он подошел ко мне и сказал по окончании службы:

— Отроча младо, малодушествую.

— К старцу иди, брат.

— Тревожить его не хочу, а тебе скажу. Вспомнил я былое служение, "монахов множество", поющее стихиры сладкопевно, с канонархом, "на подобны", собор наш древний монастырский, благолепные лики святых на стенах, — и сравнил богатство сие с нашим убожеством и восскорбел. Я не мирен, брат. Почему сие попущено?

— Что сие?

— Убожество. И почему отнято богатство?

— Не знаю, брат. Иди к старцу.

— Не пойду. Святе, не огорчу тебя. Вопрошаю и не нахожу ответа. "Неужели лучше живут обитатели Вавилона и за это владеют Сионом?" Не внимай мне, отроча. Прости празднословие мое.

Махнул он на себя рукою. И ушел на работу.

Большой человек брат Никифор, а боится грозы, как ребенок. Всю ночь сегодня была гроза, и, когда мы пели полиелей, грозно ударило в лесу так, что я остановился и глянул на брата Никифора: он был бледен и крестился многократно. Старец же как бы особо воспылал духом — с воодушевлением допел величание святому и внезапно, вопреки уставу, запел величание Спасу: "Величаем Тя, Живодавче Христе..." — и тем нас успокоил. А поутру взял меня и повел в чащобицу острова и указал на обгоревшую сосну, опаленную молнией.

— Еще будучи мал, перенял я у отца своего покойного не бояться грозы. Пойми меня, чадо,— сказал старец, сев на надломленную огнем и пригнетенную к земле верхушку сосны, — не о бесстрашии говорю: страху Божию учит сие, — он указал на поверженное дерево, — но не противиться боязнью судьбине этой грозной научен был я еще отцом моим. Выведет меня, бывало, в грозу на открытое место и скажет: "Смотри: небеса поведают славу Божию". А молния полыхает, режет небо надвое, и гром грохочет... Мать-покойница с крыльца кличет: "Верни, Паню: убьет молнией!" А я-то жмусь к отцу — и не страшно мне, что убьет, а грозно сердцу моему детскому от величия Божия.

С любовью притронулся старец к обессиленным веткам поверженного дерева.

— Смотри: не трепещет, покорно. Приняло Божие определение о себе. Так вся тварь, кроме человека. Блажен принявший милость грозы Божией без боязни и противления: он покой и мир обрящет и в самой грозе молниеносной.

Сказал это и встал, как бы овеянный тихой думой. Не видит ли он нечто идущее и близкое, иную грозу?

Ягода нас кормит. Ягода сменяет ягоду. Судим на зиму. Собираем со старцем. Однажды в чащобице, в траве, на ягодном месте, где земляникой все краснело, набрели на куропачий выводок, и матка накрыла от нас детенышей, но как бы похвалялась ими перед нами и, ни мало не боясь за них, клохтала и, кажется, привлекала наш взгляд на птенцов: любуйтесь-де на малых.

— Не мешай им, — сказал старец. — Учись у них. Отчего это безопасное бесстрастие? От неведения зла. Так это у твари. У человека же это — младенчество второе, по том и подвигов стяжаемое, проистекает оно от утраты памяти зла: обретают второе и прочнейшее неведение зла.

На пророка Илию служили бдение. Ладан вышел. Кадили смолой. Собрана самим старцем с сосны, что повалило грозой.

Господи, помилуй и сохрани старца, иеросхимника Пафнутия! Недомогает. Старается скрывать. Говорит через силу:

— Вот моя жизнь: шесть лет младенчествовал, семь лет отрочествовал, пятьдесят лет грешил, шестьдесят три года бездельничал. И стоит меня кормить!

Это сказал, когда я подал ему черничного отвару с сухарем.

Старец болен. Спаси, Господи.

Жар не оставляет. Ничего не вкушал. Пил святую воду. Пришел брат Никифор и слез своих не сдержал.

— Что ты? — старец его спросил через силу.

А тот ничего не ответил.

— Думаешь, я болен?

— Болен, святе.

— Отдыхаю, а не болею.

— Это смирение ваше говорит.

— Что ты, что ты! Смирение своего имени не произнесет, а в чужих устах его не расслышит. А я на оба уха слышу: отче, да святе!

Хуже.

Вот уже два месяца, как я ничего не записывал.

Сегодня старец улыбнулся мне и сказал:

— Бог грехам терпит, чадо. Должно быть, поживу еще с вами.

Я поцеловал у него руку и заплакал.

Господь оставил его нам. Я не знаю, как я переносил эти два месяца.

Два раза Ангел подходил за его праведной душой. На второй неделе болезни старец сказал мне, отходя ко сну:

— Вспоминается, чадо, пережитое — и милые души близки ко мне. Сегодня видел во сне мать-покойницу. Не полезно рассказывать сны, но

не уверен, только ли это сон: не из вечной ли памяти некое вразумление? Пришла ко мне и будто предлагает поесть земляники с молоком в крынке. "Сыт, — будто отвечаю, — матушка". "Поешь: ешь, покамест естся, спи, покамест спится". Я почал есть и вдруг умалился до дитяти и слышу — звонят в церкви. "Будет, — говорю, — мама. Я в церковь пойду". А она мне свое: "Ешь, пока естся". И предлагает воск чистый, душистый, для свечей приготовленный. "Да это, мама, не едят". И слышу, будто голос близкий, а говорящего не вижу: "Нет, и сие в снедь". А ты, чадо, будто тут же стоишь и грустно головой качаешь: "не ешь", мол. А мама понуждает — и светится вся: "Я ела и ты поешь, сынок". Прочти канон заупокойный, чадо, за рабу Божию Агафью.

И заснул тихо. Я же стал читать канон. И, прочтя, начал вычитывать келейное правило и задремал. Проснулся же ночью от тихого стона. Старец тяжело дышал, и правая рука была на груди, для крестного знамения. А глаза открыты, будто видел он кого-то стоящего подле и силился отворотить лицо от него, но болезнь не позволяла и смотрел с принуждением и страхом.

Я подошел к нему и не решался спросить и потревожить, и наклонился над ним. И вновь тихий стон вырвался из груди его. Я поцеловал его руку — после этого старец закрыл глаза, — и покой почти мертвенный был на его лице. Я приник к нему и слушал его дыхание. Оно еле было слышно. Так я просидел всю ночь. Наутро старец раскрыл глаза. Милость Божия была еще с нами.

Во второй раз, было это через неделю после сего, я отлучился за водой и оставил подле старца брата Никифора. Возвращаюсь с водой и вижу: брат стоит и кличет меня в страхе. Сердце мое затрепетало.

— Кончается, — говорит.

Я вошел и увидел старца лежащим неподвижно.

— Читай, — сказал мне брат и подал мне Правило на исход души. Но я не стал его читать и по непонятному, внезапно обуявшему меня своеволию зачитал канон Богородице, в скорби певаемый. Зажег свечу и со слезами читал. А по окончании, опять своевольно, запел "Богородице Дево, радуйся!" и уверовал несомненно, что старец встанет, и до того осмелел, что подошел к брату, приникшему у старцева изголовья, и сказал утешительно:

— Встань, брат. Богородица помилует нас. Спит старец.

И сел возле старца и ждал его пробуждения много часов, читая "Богородицу", и дождался. Заметил, что губы еле шевелятся, и указал тихо брату, положил три земных поклона Владычице и решил не прекращать призывания Пречистой, пока не воздвигнет слова из уст отца нашего.

И к вечеру тихо позвал отец наш:

— Пить хочу.

Я подал святой воды. Он отпил глоток и открыл глаза.

После того тихим забылся сном, и дыхание было слышно всю ночь, и радовала им меня Владычица, как райским воздыханием. Записано сие в благодарение Господу и Пречистой Его Матери.

Силы восстанавливаются, но еще слаб. Шутил с братом:

— Бери меня на работу. Я бока себе отлежал. Лежебока и на райской тропе устанет и ляжет поперек. Дерева не срублю — а хвороста подряжусь тебе носить. Многого не возьму: щей ложку да хлебца немножко. Возьмешь, что ли?

А брат:

— Возьму, — говорит и смеется, и мне шепчет: — Вернулось наше веселие. Рыданию время преста.

Пустынен наш остров: птицы все улетели.

К зиме припасен у нас хлеб, сушеная рыба, ягоды, травы целебные и для питья, грибы белые и рыжики.

Замечаю в отце нашем преобладание молчания. Впервые вышел из хижины и, выйдя к озеру, долго смотрел с косовинки на юг, потом благословил южную сторону и молча вернулся в хижину. Я шел поодаль. Не запомню в нем такого молчания.

Выпал первый снег.

На святителей московских было бдение. У нас, в монастыре, был придел и бдение кончалось в первом часу.

В брате Никифоре заметна тоска. Уединяется.

Дивлюсь молчанию в старце.

Оно нимало не тяготит нас, и ответ на свои борения и вопрошания мы имеем старческий, но не в словах он.

Я помыслил в себе: последние времена кому особенно приметны будут из верных?

Старец же, читавший книгу, подал мне молча и приказал прочесть: "Бог гордыне противится, смиренным же дает благодать". Заключая, что гордыня воспротивится признанию кончины века, и, увидя Силы Небесные колеблющимися, зажмурит глаза и действительно ничего не приметит. Смиренный же получит благодать прямого и спасительного познания кончины века — приуготовит себя покаянием.

Святого великомученика Димитрия и Память великого трясения

Озеро стало.

Еще вчера оно было бурно и сурово. Перед началом утрени слышно было его метание широкое и стонущее, как неисцелимо болящего, а когда мы с братом пошли после утрени к берегу — озеро смолкло, и жалко было его подневольной тишины, точно умер болящий.

Брат Никифор грустен.

Ноября 1. Святых Бессеребренников

Брат Никифор сказал мне: — Помолись обо мне. Тоскую.

— О чем, брат?

— О земле Российской. Вздоха ее не слышу. И оттого еще тяжелее мне.

Я заметил, что после того, как снег выпал и озеро стало, брат на бугорок реже стал ходить, молча смотрит в сторону, откуда был наш исход. Посмотрит в недоумении, видимо скорбя, и уйдет молча.

Указал мне на юг и сказал мрачно:

— Окаянным удел.

Не понимал я.

— Ты, младо, не чуешь, а я чую: окаяшки пляшут там. Плясанье окаянное, Ирода веселящее. "И даде главу его на блюде". Мертвую главу святую. А вздоха не слышу. Задавили.

Поднял кулак и с ожесточением погрозил:

— Врут. Жива еще. Дышит. Российская земля живучая: мужицкая кость, крепкий дух. Это я, за непотребство мое, не слышу, как она дышит. Уши корой заросли. Но дышит — и в тайном дыхании, чтобы окаяшки не прочуяли, что жива, — хвалит Господа. А я без вздоха материнского тоскую. Не слышу и тоскую. Прости меня, младо. Все печалю

тебя. Окаяшками смущаю. В борении дух мой.
Соли у нас нет.
— Будет, — говорит старец.
Не вижу, откуда может быть.
"Раздрах ныне одежду мою первую, юже ми истка Зиждитель изначала, и оттуду лежу наг".
О Господи! Прикрой наготу мою, сотки мне снова одеяние мое, раздранное и попранное. Спасе, спаси мя. Чувствую малодушие и скорбность.
Исполнилось указание о соли.
В полдень увидели мы крестьянина, шедшего на лыжах с трудом по снегу. Еще насту нет прочного.
Брат вышел ему навстречу. Крестьянин поклонился до земли и сказал:
— Не откажи Христа ради, отец. Издалека я шел.
— А как узнал, куда идти?
— Видал вас один человек наш. С ружьем он в этих местах был, по охоте.
Вынимает из мешка хлебец и брату подает:
— Не страшитесь. Мы православные.
— Что же тебе надо от нас, раб Божий?
— Тоска сердце изъела. Отслужи панихиду. Без храма живем, без покаяния умираем, без помину в землю ложимся. Душу томит. А баба по сыне воет. Тоска меня к вам загнала. Раскрестились мы.
Он опять поклонился в землю.
Я сказал старцу.
Он велел привести крестьянина в хижину, надел епитрахиль и, благословив крестьянина, спросил:
— Имя твое?
— Семен. После Сретенья именинник.
— Симеон. Бог тебя благословит.
И со скорбию великою служил, и плакал — и рыдание было наше служение это — о плачущих, болезнующих, чающих Христова утешения, о не имеющих кого молитися о себе.
И этих не имеющих кто теперь исчислит?
Вот разыскал нас, утаенных, раб Божий этот Симеон, не имеющий кого молиться о близких ему, о дорогих усопших, и утешен, что плачет с нами.
Оставил нам мешочек с солью.
Воистину солона эта соль: осолена слезою человеческою. Не слаще ли несоленый хлеб?

Декабря 4. Святой великомученицы Варвары

Молчание опять принял на себя старец. А мне благословил читать "Деяния".
Подвел меня брат перед полунощницей к мыску, там у него утоптан снег, и, обратив лицо к югу, сказал:
— Смотри. Что видишь?
— Вижу мрак ночной.
— А еще что?
— Ничего иного не вижу.
С досадою молвил:
— Млад.
Я же не удержался, спросил:
— А ты, брат, разве видишь что?
— Вижу зарево. Пылает земля. Пожар негасимый. Которую ночь уже вижу. Купина есть Русская земля. Горит и не сгорает.
Я исполнился страха от его слов и после утрени открылся старцу.
— И о сем молчи, — ответствовал. — Обручена душа его Русской земле и страдает. Положи три поклона.
Жизнь наша тиха и пустынна.
Укажи, Господи, путь ногам моим и сердце разлучи от злых.
На св. Спиридона вьюгой занесло хижницу. Едва откопались.
Призвал нас старец и толковал Евангелие:
— Что значит "будьте, как дети"? Как мыслите?
— Дети смиренны, — я отвечал.
— Есть и злобные, — возразил, — мучат животных, разоряют птичьи гнезда. Есть и убийцы — дети.
— Я, взрослый, не имею послушания, а дети послушны, отче, — брат сказал.
— Есть и непослушные, даже до противления родителям.
— Не разумеем, святе.
— Един свят. Непослушные и послушные, смиренные и злобные, все дети в одном сходны: по младости, по слабосилию и совершенному неумению к собственному попечению о себе, все одинаково без отца существовать не могут, имеют в отце нужду неотменную, и это единое знают, и плачут горько, видя себя оставленными отцом, предвидя неминуемую гибель. Взрослые же на себя надеются и в отце не видят нужды. Да не уподобимся взрослым. Почувствуем себя и в злобе и в непослушании нашем детьми, в отце вечно нуждающимися. Сия нужда спасительна. Сие и значит: "будьте, как дети".
Рождество прошло, и Крещение справили. Воду святили в озере.
Брат грустный шел от проруби.
— Владимир князь крестил в Днепре-реке, а ныне Русь во всех реках и водах раскрещивается, — сказал. — Ужели попустит Господь и сядет она, как блудница, на водах многих?
— Замолчи, — сказал строго старец. — Себя покаянием крести.
Опять приходил на лыжах раб Божий и на "вечное поминовение" записать просил знаемых и сродников. Убиенных множество и напрасною смертию умерших. Панихиду служил.
По уходе его брат сказал:
— Принимаем на "вечное", а "вечного"-то, видно, всего ничего осталось. На кончике. — И усмехнулся горько.
— Горит Русская земля. Догорает.
Видно, не верит больше в купину несгораемую.
Благословлено начать чтение псалтиря по убиенным, напрасною смертию умершим и не имеющим кого молиться о себе.
— Читай, — брат говорит, — читай. По нас уж не прочтут.
"Помилуй мя, Боже, помилуй мя!"
Вот и Великий пост.
Покаяния отверзи ми двери, Живодавче.
Пост — весна покаяния. По кругу церковному — и земную весну ожидать бы надо, но нет ее.
Времена и лета в Твоей руце, Господи.
И мы в Твоей.
Что-то недомогаю.

Марта 17. Память Алексия Человека Божия

Морозам бы пора кончаться: афанасьевские и сретенские прошли, а внезапно так морозом ударило, будто зиме только быть пришло.
Из хижницы не выходим.
Старец сказал:
— Годы мои пришли: грехов не чую, а холод чую.

Не запомню столь поздних холодов. Весеннего дуновения ни малого не примечаю, будто места времен года переменены и не надлежит уже весне быть. И лета того тепла благодатного, жизнетворного, кое помню в младенчестве и юности, уже, думается мне, не имеют. Оскудение замечаю и в твари. Где то множество лебедей белых, как снег, которых помню на здешних озерах? Их нет вовсе. Где былое обилие всякой твари, водной и земной? Пожрана человеком, истреблена, погублена. И былого цветения сильнейшего уже не вижу: престало. Прежде только враг ходил по земле, "аки лев, иский, кого поглотить". Ныне и человек, рыкая, ищет, кого или что поглотить — и уже не находит. В пустоту обращается прекрасный мир Божий. И в водах уже не замечаю той ясности и чистоты незамутненной, которая служила и человеку образом чистоты духовной. И небеса, думается, не столь уже сияют на заре утренней, и тихий свет вечерний примрачен. Умаление во всем.

Поник головой и молчал долго.

Брат Никифор сказал:

— Рушится земля Российская.

— Не о том говорю, — сказал старец и внезапно встал и поклонился нам, притронувшись рукою до земли.

— Простите меня, братии, Христа ради, все это не я, но немощи мои говорят. Зябну и, по старческой слепоте, уже перемену времени в этом зябнутии вижу. Старость только о немощах своих и говорит. Не слушайте меня.

— Не немощи это, — шепнул мне брат Никифор, отходя ко сну.

Благовещение Пресвятыя Богородицы

"Благовествуй, земле, радость велию..."

— В сей день, — сказал старец, — в прежнее время птиц выпускали из клеток — да хвалит тварь Творца вольно и благодарно. Вспоминаю, в младенчестве выходил на луг с клеточкой малой — и выпускал со сверстниками птичку, и вслед ей мы, дети, пели:

> Вылетай скорей,
> Лети прямей
> К Божию престолу:
> Воспой за нас Богу.

Кто нас научил этой песенке? Ганя юродивый. Был раб Божий, нагоходец, тайный молитвенник, явный безумец. Летом в овсах жил с перепелицами, а зимой по людям обитал. Вспомни его когда-нибудь в святых молитвах, чадо.

Понедельник шестой седмицы

Говею.

Среда

Ощущаю особое борение помыслов.

Весь в тени мира сего.

Четверток

Не мыслю, как буду жить без старца, по отшествии его. Видно, умру с ним. Не ощущаю в себе никаких сил для жизни. Им живу, собой умираю.

Суббота той же седмицы

Сподобился причаститься Святых Таин из рук старца моего. Спасе мой, прииде во уды мои, во все составы, во утробу, в сердце!

Призвал меня брат Никифор уединенно и сказал:

— Все огорчаю тебя. Страстная седмица подходит. Страсти Христовы. А я о страсти российской все думаю. Страшная седмица российская. Все тело в язвах гвоздиных. И Иуда и Пилат есть. Это знаю, и от этого моя скорбь. Но главного не знаю и оттого еще больше тоскую. Как думаешь, будет ли Светлый день в сей год на Русской земле?

— Брат, как же ему не быть? Его Господь установил.

— Знаю. А томлюсь: будет ли светлое служение по всей земле Российской?

Великое страдание было в брате.

— Будет ли христосоваться Российская земля в сей год? "Воскресение Твое, Христе Спасе, ангели поют на небеси". Ангелы-то будут петь, — так они ведь над Российской землей поют "по высоте небесной от земли", в круге небесном, а на земле-то, людие-то российские, будут ли петь? Ангелы возликуют в круге небесном: "Христос" — воскресе! и ответа будут ждать, а земля Российская ответит ли им единым сердцем и устами: "Воистину воскресе!" Сомневаюсь. Давно сомневаюсь сему.

Подошел к любимому своему бугорку и смотрит с тоской:

— Ответ бы узнать: будет ли там Свят День? — И кажет рукою в сторону южную: — Будет ли с ангелами Российская земля христосоваться?

Не знал я, чем утешить его, и сказал только:

— Брат, не думай об этом.

— Не я думаю: мне думается.

Великий понедельник

Вступили в страстную седмицу.

Страшными вратами страстей Твоих, Господи, дай мне увидеть и Светлое Твое Воскресение.

Брат Никифор говеет.

Великая среда

Первое веяние весны замечается.

О грешной жене воспоминание.

Нет у нас ни мира, ни слез. И сколь отрадна, однако, память эта грешной душе моей.

Великая суббота

Вместо плащаницы на утрени выносимо было у нас Святое Евангелие. Слове Божий, распятый и во гроб положенный, посети нас в тесноте нашей!

Ослабел я плотию. О, если бы ослабнуть грехами!

Старец наш всю седмицу не вкушает пищи. Замечаю в нем тщательно скрываемую скорбь.

Читая за утреней в пятницу Евангелие страстей, сказал: "Се грядет час, и ныне прииде, да разыдетеся кийждо во своя, и Мене единаго оставите", — плакал и, видимо, не мог удержать слез, даже прервал чтение, и повторил это место снова, уняв сле-

зы. Сегодня за утреней, за "непорочными", также плакал и даже опустился на колени от печали. После утрени сказал нам:

— Господь во гробе. Покоится Один, оставленный всеми. Оставим же и мы всё, кроме Его Единого, — грехи, помышления, мнения, страсти, дела.

И повторил нам, по некотором времени, с тихой печалью:

— Еще раз прошу вас и молю, думайте о сем: Господь во гробе и Один. С Ним ли мы? Не скажет ли и нам: "Мене единаго оставите"? О, коль тяжко будет слышать это слово!

"О Пасха, велия и священнейшая!"

При пении "Воскресение Твое, Христе Спасе" обнесли мы вокруг нашей хижницы святыни наши — и убогую витальницу нашу огласили пасхальными песнопениями. Сладчайшее из слов человеческих "Христос воскресе из мертвых" вновь наполнили души наши сладостью небесною. Старец наш служил, как ангел, — с веселием и тихостью. Только изумляюсь бледности лица его: не мертвенна, но белизны необычайной, неземной, и взор будто не нас зрит. И тем поразил нас, что по окончании службы, похристосовавшись с нами, вышел на бугорок и громко возгласил трижды: "Христос воскресе!"

И так было: возгласит — и подождет не мало: будто ответ слышит, и опять возгласит — и вновь, выждав, ответит.

После сего благословил трапезу, и разговлялись: старец из лампады влил в репу пареную мятую масло, да рыбой сушеной с лепешками свежими ржаными, да морошкой моченой.

Светлый вторник

Собрал нас старец и сказал:

— Открою вам нечто, и наипаче тебе, иеродиакон. Знаю скорбь твою и недоумения твои, коими и младшего брата смущал. Верно, за твои молитвы открыто мне было нечто во дни святые сии. Простите меня ради Воскресения Господа. Пусть Он Сам обесскорбит вас. Почитаете меня за мудрого наставника, сам же знаю про себя, что только хитрее я вас — и немощи свои прячу, а вы своих не таите и простодушно, яко чистые дети, мне несете. К тому же говорю, что и я, славя Воскресение Христово, имел в душе моей вопрошение тайное: а славит ли Господа Воскресшего страна моя родная — и какими и чьими устами возносит воскресную песнь Ему. И, чады моя, испытал я некое как бы земное свое умаление — и вижу храм великий и дивный. О, как мне было не узнать этого храма, когда во дни юности моей я молился в нем, богомольствуя в Матерь городов русских! Был он, однако, прекраснее и богаче прежнего, и лишь Нерушимая Стена пребывала неизменно и хранительно. Шла в нем утреня пасхальная, и полон был храм народу, но не в наших одеждах, а в древних и прекрасных. Святолепный старец — святитель служил; и спросил я: "Кто сей служащий?" И отвечено было: "Первосвятитель российский митрополит Михаил служит". И исполнился страху, и перевел свой взор на молящихся, и не усомнился видению моему. Вижу я благоверного князя Владимира, и бабку его, и чад его — сонм князей благоверных. Лики их исполнены радости, а в руках у них пасхальные свечи, высокие, алые. И дым кадильный благовонный наполняет, как облаком небесным, весь храм. Когда окончилось пасхальное целование во храме — я вышел вон, но со мною не вышел никто: я был один в храме из пришедших извне.

Внезапно предстало передо мною темное необозримое пространство. "Это страна твоя", — сказал мне некий благой, бывший незримо около меня. "Смотри", — и я увидел в городах, в селах, в лесах, в горах и расселинах земных, в пещерах и островах морских на севере, юге, востоке и западе множество огней ликующих, к небу восходящих и вместе тихих и немерцающих, — как бы пасхальные свечи горели неугасимо. "Слушай", — и внезапно я услышал исходящее от места, где горели свечи, неизреченное сладостное пение "Христос воскресе из мертвых". Казалось мне, вся земля пела.

— Ты не вместишь всего пения и восторга сего, но увидишь и услышишь еще нечто. Войди, — сказал ведший меня.

И я вошел в бедную малую, рубленную из бревен сосновых церковь — в ней мерцали редкие свечи и пахло смолою. Лес шумел вокруг нее. Не много иноков пели пасхальный канон. Игумен в крашенинной ризе тихо обходил церковь с медным кадилом и возглашал: "Христос воскресе!" Братия отвечала ему с великою, но тихостною радостью. И меня, окаянного, окадил игумен и приветствовал пасхальным приветствием. И, чада мои милые, когда взглянул я в лицо сему игумену, страх велий, но вместе и восторг напал на меня: сей был сам небесный игумен земли Русской!

И вновь увидел я храм — великий и прекрасный, окруженный множеством меньших храмов, за высокими стенами. В храме клир пел стихиры Пасхи: "Да воскреснет Бог". Я пал ниц, едва увидев сонм служащих.

— Встань и возрадуйся, — сказано мне было.

Чада мои! Воистину возрадовался я: святители Московские совершали служение, а первенствовал сам святейший патриарх Ермоген, старец световидный и грозный. А молились, а молились-то кто? О, чада мои! И князь благоверный и тиховзорный Даниил, в иноческом образе, пришел из строгой обители своей, и маленький царевич Димитрий, с улыбкой ангельскою, со страстотерпцами Михаилом и Феодором внимали пасхальному пению. Буии* мира сего, наготою блистая, ангельски веселились о Господе Воскресшем, стоя в притворе, — блаженные Максим, Василий, Иоанн. Сладкие слезы их видел я и радость ангельскую! Сыне мой! Я сподобился ответить патриарху, шествовавшему по собору с каждением: "Воистину воскресе!" Маленький царевич подал мне красное яйцо, и нагоходцы в притворе целовали меня пасхальным лобзанием. О, Пасха велия и священная!

Изшел я из собора — и был один, и никто не вышел со мной. Но слышано мною было тихое: "Тако празднует Российская незримая земля Христу Воскресшему".

Незримая земля! Братия и други! А зримая?

А зримая пребывала во мраке: храмы пусты, и множество из них уже и не храмы, а любозрительные места старины, а иных и еще множайших уже и не существует вовсе. И лишь слабые и малые огни в лесах и дебрях и городах, утаенные и робкие, восходили к небу с пасхальным исповеданием: "Христос воскресе!"

---

*Буй (церковнослав.) — юродивый.

— А что же будет, отче, — прервал старца брат Никифор, — когда протекут еще сроки и тайна беззакония полнее совершится? И не с кем похристосоваться будет?

— Сыне и друже, и о сем думал я и вопрошал тако же, как вопрошает любовь твоя. Кто же последний вознесет исповедание пасхальное на земле Русской Сыну Божию — и от кого услышит Он в ответ "Воистину воскресе!"? Уста будут шептать сладчайшее пасхальное приветствие, сердце же будет ожидать братского ответа — и не единого не будет отвечающего: на всех падет и всех покроет собою страшная тень века сего, падающая на мир от князя тьмы. И коль велика будет пасхальная скорбь сего последнего христианина в земле Русской! Но уповаю — не будет сего! И последняя Пасха на земле Русской с ответным словом и лобзанием будет: Сам Сын Человеческий, уповаю, к сему последнему верному своему пошлет ангела во образе человеческом, — и ответит сладчайшим лобзанием и словом столь любезным, что нам и не знать всей сладости сего "Воистину воскресе!". Твердо на сие уповаю. Не останется сей последний безответен в день Воскресения Твоего, Христе Спасе. "О Божественнаго, о любезнаго, о сладчайшаго Твоего гласа! С нами бо неложно обещался еси быти до скончания века, Христе"...

И с сими словами замолк как бы в несомненном и радостном уверении, как бы в самом слышании сего голоса.

Мы же были в страхе.

Понедельник Фоминой седмицы

Брат Никифор спросил у меня: "Отроче, можно теперь панихиду служить?"

— С сегодняшнего дня можно.

— А диакону без священника полагается служить панихиду?

— Нет, не полагается.

— Верно ты знаешь?

— Верно.

— Ну прости, брат.

И ушел от меня, а к вечеру пришел, точно ноша спала с его плеч.

— Ну, кончено, — сказал он и вздохнул облегченно.

— Что, брат?

— Кончено. Все понял. Семь дней в понимание старцева видения входил и все понял ныне. И что сделал, отроча младо, знаешь? Ты мне панихиду не благословил служить, а было сильное желание самому отслужить. Ну и не служил. Тебя послушался. Не позволено. Но иеродиакону "вечную память" сказать не возбраняется. И стал я, младо, на бугорок мой любимый — там снег оттаял: первое место на острове без снега, обратился в сторону южную, откашлялся, перекрестился, не спеша собрал весь голос свой и возгласил:

— Во блаженном успении вечный покой подаждь, Господи, приснопамятной земле Российской и сотвори ей вечную память!

И трижды, отроча, пропел вечную память. Теперь у меня на сердце легкость. Похоронили. В могиле. Вечную память возгласил честно, по уставу. Нет более земли Российской. Есть область погибельная. А той — "во блаженном успении вечный покой" и "вечная память". Больше и не посмотрю туда. И не поскорблю и не потоскую. Мертвые срама не имут, а монахам плакать не гоже. По уставу спел "вечную память" и будет. Аминь.

Закрыл он лицо руками и долго не отнимал прочь. А отняв, улыбнулся мне впервые за многие месяцы и сказал, принуждая себя к веселости:

— А ныне Пасха. Надгробное рыдание возбранено. И в панихиде все "Христос воскресе" поют, "Веселие вечное" и "сущим во гробех живот даровав".

И пошел труд дневной неоконченный довершать трудник наш бессменный и безропотный. Великая душа у брата Никифора. "Таковых есть царство небесное" — можно полагать без погрешности.

9—11 ноября 1922 года

Литературная судьба книги «Урядник сокольничья пути»

Хорошо известно изречение: книги имеют свою судьбу. Мне хочется рассказать о литературной судьбе одного памятника древнерусской литературы, созданного в середине XVII века, затем в конце XVIII и первой половине XIX столетия привлекавшего внимание ряда выдающихся деятелей нашей культуры, а потом вплоть до сего дня вспоминаемого все реже и реже.

Это "Книга, глаголемая Урядник, или Новое уложение и устроение сокольничья пути". Она написана в Москве в 1656 году при дворе царя Алексея Михайловича (1629—1676). Царь — еще молодой человек, 27 лет, — был страстным охотником. Особенно любил он охоту с ловчими птицами. Для нее существовал целый штат сокольничих. "Урядник" представляет собой не руководство по охоте, а устав отряда сокольничих, церемониал их назначения и поведения (клятвы, обряды), распорядок обращения с ловчими птицами. Произведение написано на русском, а не на церковнославянском языке. Славянизмов в нем мало. Зато много слов загадочных, может быть, тюркских в основе, а может быть, искусственных, "тарабарских", придуманных на основе русского языка. Таковы имена и характеристики боевых качеств птиц, обрядовые формулы, которыми обменивались сокольничие.

В целом сочинение любопытное. Это не просто литературный памятник XVII столетия. В нем читатель найдет материалы по истории дворцового быта, познакомится с эстетическими представлениями Московской Руси, прочтет страницы из истории охоты.